

Между тем в мире Парменида также обнаруживается трудность. В нем бытие не может людям дать бытие вместе. А если бытие не может дать людям бытие вместе, то люди начинают вести рассеянное существование. Рассеянное – значит без трения друг о друга, без музыки в душе и без вечной художественности в мыслях о бытии. Человек с мыслью о бытии и без трения галлюцинирующих тел друг о друга обнаруживает в мире Парменида свою абсолютную асоциальность, ибо быть социальным значит правильно говорить. А правильно говорить значит говорить вслед за другими «сладкое», если даже ты чувствуешь, что имеешь дело с соленым. Нельзя жить в мире, если в нем чувствуют одно, а мыслят другое. Адекватной формой существования человека в мире Парменида становится отказ от понимания. Нежелание понимать, отказ от человеческого в коммуникации открывает перспективу существования трансчеловеческого, основанного на технике. Наркотическое опьянение компьютером лишает человека в мире Парменида великой субъективности, сознания.

Резюме: нельзя жить в обществе, если ты его не понимаешь, нельзя быть вместе, если это бытие не рождает грэзы.

С.В. Клягин

*заведующий кафедрой теории и практики общественных связей,
ФИПП РГГУ, доктор философских наук, профессор*

«Глаз(с) бури»:
к вопросу об онтологии медиа

Поэтическое напоминание «как мир меняется, и как я в нем меняюсь, лишь именем одним называюсь» в наши/не-наши дни нашествия коммуникативных технологий наполняется смыслами силы непреодолимой. Меняются представления о мире, о человеке и человеческих общежитиях. Новые восхищения ума вызывают к жизни познания для соответствия масштабу трансформаций и метаморфоз явления медиа. Возможно всякое поколение и каждый добросовестный исследователь хотя бы раз переживают опыт инновационного совмещающего сдвига, когда «великое видится в малом», когда потребность в новом становится как бы глобальной. В таких ситуациях необходимость широты обзора соединяется с долготой и глубиной проникновения в суть базовых для искомой интеллек-

туальной экстатичности идей. В осмыслении феномена медиа такая ситуация из поколенческой и личной становится сейчас универсальным познавательным императивом. Единым образом (единого?) для обобщающего выражения сказанного может быть картина урагана, в центре воронки которого располагается «глаз(с) бури». Мгновенная неслышность бурной тишины.

Эпистемологическая интерпретация предложенной метафоры состоит из двух возможных аспектов.

Могут быть уточнены (именно приближены к «точке» понимания) представления о медиа и его устроении. Тезис М. Маклюена «*the medium is the message*» не может интерпретироваться только в представлениях о порционной передаче содержаний и линейном структурировании нелинейной реальности («канал коммуникации»). Медиа – это именно медиа. Место, где изменяется, перемешивается реальность, где последовательность сливается в симультанность, где объекты и раздельности проясненно-ускоренно открываются структурами и конфигурациями [1 с. 16].

Центр урагана медиа есть медиа. «Крылья» бури – это то, что мы называем медиальностью (mediality), медиатизацией реальности. В онтологическом плане это обнаруживается в том, что через потенциал медиа могут по-новому раскрываться любой объект или различные области активности человека и социума. В этом контексте могут быть также востребованы идеи о новой «материальности» как основы для переосмыслиния ключевых параметров и субстратного транзита в конституировании актуальных представлений о реальности (media ecologies, М. Фуллер; объектно-ориентированная онтология, Г. Харман).

А.А. Калмыков
профессор кафедры теории и практики общественных связей
ФИПП РГГУ, доктор филологических наук

Симфония гипертекста

Глобальная «мультишность» (мультипрезентативность, мультикультурализм, мультимедиа, полионичность, поликодowość и т. п.) не может не вызвать эффект футорошока (Э. Тоффлер), поскольку господствующий гипертекст разрушает и деканонизирует привычную линейную преемственность и детерминизм